

Заблуждение и неведение в структуре вины: уголовно-правовой аспект

Аннотация. Вина в уголовном праве по своей сущности является весьма сложной категорией, но вместе с тем выступает основным признаком субъективной стороны преступления, что предопределяет ее неукоснительное и точное установление в рамках квалификации преступления. В статье констатируется, что наибольшую сложность установление вины представляет в условиях субъективной ошибки, где предпосылками выступают заблуждение и неведение. При этом подчеркивается нетождественный характер данных понятий. На основе психолого-философского анализа сделан вывод о причинах заблуждения и неведения в уголовно-правовых отношениях, которыми выступают дефект восприятия и дефект информативности. Учитывая обозначенные причины, а также практику судебного правоприменения, автор приходит к выводу, что основным критерием при установлении вины в условиях заблуждения или неведения является признак добросовестности. С учетом его применения в статье предлагается градация типов заблуждения и неведения, а в дальнейшем их роль при установлении психического отношения лица к совершенному преступному деянию.

Ключевые слова: вина; субъективная ошибка; заблуждение; неведение; знание; преступление; индивидуальность психики; поведенческий акт; окружающая действительность; восприятие.

Для цитирования: Иванов А. Г. Заблуждение и неведение в структуре вины: уголовно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 1. — С. 123–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.123-130.

Delusion and Ignorance in the Structure of Guilt: Criminal Law Aspect

Andrey G. Ivanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Operative and Investigative Activities, Department of Internal Affairs, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Kazarmennyy per., d. 15, Khabarovsk, Russia, 680000
grant74@mail.ru

Abstract. Guilt in criminal law in its essence is a very complex category, but at the same time, it is the main feature of the subjective side of the crime, which predetermines its rigorous and precise establishment within the framework of the classification of the crime. The paper states that the greatest difficulty in establishing guilt is in terms of subjective error, where the prerequisites are delusion and ignorance. At the same time, the non-identical

---

© Иванов А. Г., 2022

* **Иванов Андрей Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Дальневосточного юридического института МВД России
Казарменный пер., д. 15, г. Хабаровск, Россия, 680000
grant74@mail.ru

nature of these concepts is emphasized. Based on a psychological and philosophical analysis, the author draws a conclusion about the causes of delusion and ignorance in criminal law relations, which are a defect in perception and a defect in information content. Taking into account the indicated reasons, as well as judicial enforcement practice, the author concludes that the main criterion for establishing guilt in terms of delusion or ignorance is an element of good faith. Given its application, the paper proposes levels of types of delusion and ignorance, and further their role in establishing the mental attitude of a person to a committed criminal act.

Keywords: guilt; subjective error; delusion; ignorance; knowledge; crime; individuality of the psyche; behavioral act; surrounding reality; perception.

Cite as: Ivanov AG. Zabluzhdenie i nevedenie v strukture viny: ugovovno-pravovoy aspekt [Delusion and Ignorance in the Structure of Guilt: Criminal Law Aspect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(1):123-130. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.123-130 (In Russ., abstract in Eng.).

Как известно, доктрина уголовного права стоит на позиции психологической теории вины, при этом законодатель в определении форм вины делает исключительный акцент на психологическую составляющую, указывая, что лицо должно осознавать, предвидеть, желать. Более того, один из основных принципов уголовного права определяет в качестве ключевого основания уголовной ответственности наличие вины в отношении общественно опасных действий (бездействия) и наступивших общественно опасных последствий. Указанные обстоятельства не дают повода для сомнения в неотъемлемости и важности вины как основного признака субъективной стороны в составе преступления, но вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что по своей сущности вина является весьма сложной категорией. Именно психологическая сущность вины вызывает определенные трудности при ее установлении, что, в свою очередь, не дает оснований для прекращения оживленной дискуссии в научном мире по вопросу реализации данной категории в возникающих уголовно-правовых отношениях.

Учитывая применяемые в уголовно-правовой конструкции формы вины психологические термины и их содержание, следует признать тот факт, что при совершении преступных деяний лицо должно осознавать общественную опасность своих деяний, предвидеть наступление общественно опасных последствий, желать их наступления, относиться к ним безразлично либо самонадеянно рассчитывать на их предотвращение. Исходя из интерпретации данных

психологических понятий, можно с уверенностью говорить, что рамками вины должно быть охвачено как уверенное знание противоправности совершаемых деяний и весьма четкое предвидение определенных вредных последствий, так и сознательное допущение возможности общественной опасности в совершаемых деяниях и вредности их последствий.

Как представляется, в законодательном определении форм вины, особенно умысла, прописана некая идеальная модель психического отношения лица к совершенному противоправному деянию. Однако не стоит забывать, что психика индивидуальна и не всегда разум отдельного индивида способен осознать, причем по различным причинам, указанные обстоятельства.

Отсутствие истинного отражения реалий объективного мира у отдельно взятого лица может быть выражено в виде заблуждения либо неведения, что проявляется в волевых поступках, к которым относятся и преступные действия. В силу указанных обстоятельств роль заблуждения и неведения при установлении вины представляется немаловажной и требует детального изучения.

В свое время известный русский криминолог Н. С. Таганцев неведение и заблуждение объединил одним родовым понятием — ошибкой, объяснив данный подход общим результатом указанных факторов — отсутствием сознания действительности¹. Не ставя цель оспорить утверждение столь уважаемого ученого, хотелось бы более детально остановиться на этих

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. С. 458.

двух категориях (заблуждение и неведение) исключительно для определения их значимости в психологической составляющей преступного деяния и, соответственно, для установления вины.

Если обратиться к определению сущности неведения, то в науке особых вопросов по этому поводу не возникает; в рамках указанной категории принято понимать незнание лицом фактических условий деятельности либо недостаток представлений, соответствующих действительности. Подобная трактовка содержится во многих толковых словарях и определяет неведение как незнание, неосведомленность.

Более объемной в сфере научного понимания выглядит сущность заблуждения. В учебной литературе философско-психологического характера данное понятие трактуется как знание, не соответствующее своему предмету, не совпадающее с ним². К сказанному можно добавить, что оно выступает как одна из форм знания, но представленных в искаженном варианте в результате сбоя на стадии отражения или восприятия. Заблуждение — неизбежное явление, его нельзя полностью исключить и сделать отражение абсолютно адекватным.

Известный отечественный философ Ф. А. Селиванов, специализировавшийся на теории познания, в своих трудах отмечал, что в повседневной человеческой реальности заблуждение неизбежно как ее неотъемлемый элемент. Заблуждение может происходить в различных аспектах и направлениях, относительно свойств, существующих объективно, относительно мыслей другого человека, его утверждений и предположений. Заблуждения относительно своих и чужих поступков, моральной ценности черт личности и отношений между людьми — обычная вещь. Нет людей, которые не заблуждались бы

в чем-то³. Причем важно, подчеркивал ученый, что заблуждение субъективно лишь по способу существования, но заблуждение является заблуждением на самом деле, объективно. Оно не зависит от воли, мнения субъекта⁴.

Э. В. Ильенков указывал, что заблуждение начинается только там, где ограниченно верному способу действий придается универсальное значение, там, где относительное принимают за абсолютное. Еще большую долю вероятности формирования заблуждения ученый связывал с абстрактной универсалией, которая допускает отражение порой совершенно случайных свойств и форм вещи. И значит, чем более узкой была та сфера природного целого, с которой имел дело человек, тем больше мера заблуждения, тем меньше мера истины⁵.

На неизбежность присутствия заблуждения в процессе познания объективной действительности указывал в своих работах В. П. Кохановский⁶, говоря, что заблуждения обусловлены и относительной свободой выбора путей познания, сложностью решаемых проблем, стремлением к реализации замыслов в ситуации неполной информации.

Некоторые авторы в рамках исследований значения заблуждения в условиях установления вины допускают отождествление исследуемой категории с ложностью⁷. Однако представляется необходимым провести разграничение между заблуждением и ложностью мысли, потому что ложь представляет собой осознанно искаженную информацию, недостоверность которой доподлинно известна субъекту. В случае апеллирования такими сведениями лицо должно признаваться в целенаправленном искажении знаний. В условиях заблуждения нельзя говорить о целенаправленном искажении знаний, и этот ключевой признак лежит в основе разгра-

---

² Кохановский В. П. Философия и методология науки : учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 1999. С. 115.

³ Селиванов Ф. А. Оценка и норма в моральном сознании. М., 1977. С. 20.

⁴ Селиванов Ф. А. Указ. соч. С. 21.

⁵ Ильенков Э. В. Диалектическая логика : Очерки истории и теории. М., 1984. С. 45.

⁶ Кохановский В. П. Указ. соч. С. 115.

⁷ Колосовский В. В. Истина, заблуждение, неведение: поиск сущности ошибок в уголовном праве // Правоведение. 2014. № 2. С. 199.

ничения указанных категорий, подмена которых ведет к искажению определения сущности вины в уголовно-правовом аспекте.

Научная мысль о заблуждении как неизбежном состоянии психики позволяет сделать вывод о том, что под исследуемой категорией необходимо понимать неверное, неистинное, искаженное знание о чем-либо, а в аспекте исследуемой темы это знание о преступлении в целом либо об отдельных его составляющих. Причем необходимо понимать, что лицо, обладая подобными знаниями, даже не догадывается об их неистинности или искаженности.

Здесь необходимо остановиться на процессе формирования знаний. Однако, не вдаваясь глубоко в исследование указанного процесса, хотелось бы только обратить внимание на то, что он очень тесно связан с мышлением, что, в свою очередь, неизбежно затрагивает субъективный опыт, который представляет собой фиксацию и аккумуляцию накапливаемой информации⁸.

В условиях, когда индивидуален процесс познания, переплетающийся с мышлением, опирающимся на субъективный опыт, нельзя отрицать, что знание — сугубо индивидуальный компонент. Индивидуальность знания подтверждает и определение, данное в энциклопедии: форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека⁹, в результате которой с различной степенью достоверности и объективности в разуме отражаются те или иные свойства реальной действительности. Поэтому мышление как совокупность умственных процессов, лежащих в основе познания, являясь опосредованным и обобщенным отражением действительности с его присущей чертой — абстрактностью — при определенных обстоятельствах выступает основой заблуждения.

Индивидуальность в процессе формирования знаний играет ключевую роль — как в их ис-

тинности, так и в их неистинности. Неистинность знаний и будет заблуждением. Очень важно подчеркнуть, что заблуждение — это не отсутствие знаний, а их недостоверность, причем эта недостоверность может быть выражена только в отношении отдельного элемента знания. Так, лицо может быть убеждено, что изготовление охотничьих ножей с целью их продажи является преступлением. Однако эта убежденность будет заблуждением относительно предмета преступления — охотничьего ножа, так как уголовно наказуемым подобное действие признается лишь в том случае, если нож обладает признаками холодного оружия.

Заблуждение, представляя недостоверность знаний, не тождественно неведению, которое подразумевает под собой отсутствие знаний. В исследуемом аспекте неведение необходимо рассматривать не как полное отсутствие знаний, а только как их отсутствие в отношении какого-либо конкретного сегмента объективного мира, охваченного рамками преступления.

Подобной точки зрения придерживаются некоторые ученые, относя к неведению не только незнание правил уголовного закона и иных нормативных актов, но и неосведомленность о существовании таких правил и об отдельных нормативных актах¹⁰.

Поэтому заблуждение и неведение — это психологические составляющие, наряду с осознанием, которые могут оказывать влияние на поведенческий акт. Именно действие, совершенное под влиянием неведения и заблуждения, следует рассматривать как ошибку. Иными словами, заблуждение и неведение — это предпосылки ошибки. Поэтому нельзя согласиться с учеными¹¹, которые относят заблуждение и неведение к видам ошибок.

С учетом сказанного в отношении заблуждения и неведения напрашивается вывод о необходимости в рамках оценки деяния с точки

⁸ Анохин К. В. Гиперсетевая теория мозга и сознания. Лекция № 2 межфакультет. учеб. курса МГУ «Сознание и мозг: последний рубеж» // URL: https://www.youtube.com/watch?v=sj_OCPv_u5c (дата обращения: 12.03.2020).

⁹ Большой энциклопедический словарь // URL: <https://gufo.me/dict/bes>.

¹⁰ Колосовский В. В. Указ. соч. С. 202.

¹¹ Колосовский В. В. Указ. соч. С. 199.

зрения уголовного законодательства устанавливать и оценивать объем знаний относительно совершенного преступления, наличие и тип заблуждения, а также причины отсутствия знаний — неведения.

Н. С. Таганцев писал, что причина возникновения заблуждения и неведения не имеет практического значения¹². Однако хотелось бы в этом отношении не согласиться с мнением столь известного ученого и на основе приведенного анализа исследуемых категорий доказать, что в рамках соблюдения принципа виновного вменения важно установить причины заблуждения и неведения.

Как совершенно справедливо отметил В. В. Колосовский¹³, ошибочное суждение формируется на основании заблуждения и (или) неведения и выступает детерминантом негативного поведения субъекта. Поскольку данные категории имеют различное происхождение и содержание, они имеют в уголовном праве не только теоретическое, но и практическое значение.

Безусловно, данные категории имеют немаловажную, вероятнее всего — ключевую, роль в познании сущности субъективной ошибки в уголовном праве, а соответственно, и в установлении вины. Необходимо отметить, что к исследуемым категориям не стоит приравнивать сомнение в свойствах совершаемого, когда действовавший в момент действия не был уверен, сомневался в достоверности своих предположений.

Исследование сущности заблуждения и неведения позволяет сказать, что формирование этих психологических компонентов может быть обусловлено либо дефектом восприятия, т.е. индивидуализацией психических процессов человека, либо дефектом информативности нового знания, т.е. представления информации в дефектном или искаженном виде. Обозначенные предпосылки, как представляется, могут

найти свое проявление как в юридической, так и в фактической ошибке. И дефект восприятия, и дефект информативности может выразиться как в недостоверности знаний о содержании уголовно-правового запрета (юридическая ошибка), так и в недостоверности знаний о фактических обстоятельствах деяния, например об особенностях физиологического состояния потерпевшего, о свойствах предмета преступления (фактическая ошибка).

Всё вышесказанное не дает повода для сомнения в том, что неведение и заблуждение — это категории, относящиеся к субъективной составляющей деяния, другими словами, это психологические составляющие, которые, придерживаясь психологической теории вины, просто нельзя игнорировать при установлении вины. Учитывая, что эти составляющие являются сугубо субъективными, их оценка в рамках вины должна происходить исключительно на основе индивидуализации психики. На первый взгляд это утверждение можно расценить как лазейку для ухода от уголовной ответственности путем банальной ссылки лица, совершившего преступление, на заблуждение или неведение.

Так, судом первой инстанции В. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. В апелляционной инстанции В. утверждала, что дала ложные показания не намеренно, а в силу заблуждения, так как давала показания о конфликте, который ее лично не касался и участником которого она не была. Суду она сообщила ту обстановку, которую помнила с учетом восприятия событий, происходивших три года назад. Тем не менее на основании иных свидетельских показаний и доказательств суд пришел к выводу об отсутствии заблуждения у В. и о намеренной даче ложных показаний¹⁴.

Приведенный пример подчеркивает необходимость детального подхода к установлению причины и типу рассматриваемых психологи-

---

¹² Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 459.

¹³ Колосовский В. В. Указ. соч. С. 200.

¹⁴ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 03.06.2020 по делу № 22-1446/2019 22-3/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/nRt3Wztwndmm/> (дата обращения: 28.12.2020).

ческих категорий, что в итоге не позволит уйти от уголовной ответственности путем ссылки на заблуждение или неведение.

Указанные выше дефект восприятия и дефект информативности объясняют лишь механизм формирования заблуждения и неведения в уголовно-правовых отношениях, а для использования этих категорий в рамках установления вины представляется необходимым разграничить их на два типа: добросовестное и недобросовестное.

Актуальность использования данного признака обусловлена еще тем обстоятельством, что суды в своих решениях все чаще стали использовать формулировку «добросовестно заблуждался»¹⁵.

В этой связи уместно вспомнить слова Ф. А. Селиванова, который говорил, что убежденность не является критерием истины и заблуждения. Если человек ссылается на свою убежденность, то он ничего не доказывает¹⁶.

Использование предлагаемых типов заблуждения и неведения, безусловно, требует установления критериев для их разграничения. Как представляется, градация на указанные типы должна проходить по наличию либо отсутствию объективной возможности проверки или восполнения знаний, в частности знаний относительно преступления в целом либо его отдельных составляющих.

В контексте представленного деления заблуждения на типы добросовестным необходимо признать поступление информации при отсутствии реальной возможности ее проверить либо уточнить (нет должного разъяснения нормативного правового акта, отсутствие возможности с ним ознакомиться, сложная система взаимосвязанных норм, рассредоточенных по разным источникам права; нет возможности

проверить полученную информацию о наличии какого-либо факта либо информация поступила из источника, в отношении которого нет повода для сомнения, и т.д.).

Так, директор автономного учреждения социального обслуживания Б. издала приказ о назначении на должность медицинского работника — своей знакомой, при этом изначально осознавала, что исполнять свои трудовые обязанности последняя не будет. Далее Б. давала подчиненному работнику указания изготавливать табели учета рабочего времени сотрудников указанного отделения, в том числе и на свою знакомую. На основании представленных табелей работник бухгалтерии, добросовестно заблуждаясь относительно исполнения трудовых обязанностей знакомой Б., начислял ей заработную плату¹⁷. В данном случае у бухгалтера не было оснований не доверять информации, представленной директором в виде табеля учета рабочего времени.

Напротив, недобросовестное заблуждение проявляется в случае руководства лицом поступившими сведениями при реальной возможности их проверки или уточнения (воспринял правовые положения со слов иного лица, при этом не ознакомился с нормативным правовым актом, воспринял сведения от некомпетентного источника и т.д.).

Добросовестным можно признать неведение, когда реально отсутствует возможность получить знания либо осознать необходимость получить эти знания.

Так, начальник войсковой части издавал приказы о выплате военнослужащему денежной компенсации за наем жилого помещения в течение полутора лет после того, как этот военнослужащий фактически перестал снимать жилье, но не уведомил об этом начальника, а напротив,

¹⁵ Приговор Елизовского районного суда Камчатского края от 29.07.2020 № 1-279/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3tACZ6LcFIbu/> (дата обращения: 28.12.2020); апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 24.07.2020 № 22-1621/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wacYO4iifJ6m/> (дата обращения: 28.12.2020).

¹⁶ Селиванов Ф. А. Указ. соч. С. 21.

¹⁷ Постановление Сарапульского районного суда Удмуртской республики по уголовному делу № 1-79/2020 от 15.05.2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PHnrhLjYF9bV/> (дата обращения: 29.12.2020).

представлял договоры найма жилого помещения¹⁸. В данной ситуации начальник войсковой находился в неведении относительно правомерности совершаемого действия, так как даже не подозревал, что фактически аренда жилого помещения прекратилась. Соответственно, вопрос о его уголовной ответственности суд в своем решении не ставит.

Неведение следует признавать недобросовестным в случае отсутствия определенных знаний и желания получить эти знания.

Неслучайно выше была представлена градация заблуждения и неведения на типы. Именно от указанного типа, как представляется, зависит вина лица в преступлении.

Добросовестное заблуждение должно исключать вину, так как в психологическом аспекте от лица ничего не зависело и исправить представленные искаженные знания оно не имело возможности.

Недобросовестное заблуждение не должно устранять или изменять вину. Соответственно, при недобросовестном заблуждении не устраняется вменение квалифицирующего признака.

Данный вывод можно проиллюстрировать на хрестоматийном примере привлечения к уголовной ответственности лица за убийство женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности. В случае, когда лицо, которое обладало информацией о беременности, поступившей только от самой женщины (без видимых признаков беременности), и не удостоверилось в данном факте из других источников, убивает ее, а в действительности женщина оказывается не беременной, оно должно нести ответственность по квалифицирующему признаку. В данном случае речь идет о недобросовестном заблуждении. В иной ситуации, когда лицо предприняло попытки уточнить информацию о факте беременности из других источников, но все же получило ложную информацию, его заблуждение необходимо признать добро-

совестным, а ответственность должна наступить за убийство без квалифицирующих признаков.

При добросовестном неведении вина должна исключаться, а к возникшим правоотношениям применимы положения ст. 28 УК РФ о невиновном причинении вреда.

Данное утверждение подтверждается примером судебного правоприменения. В систему безопасного управления технологической линией были внесены технологические изменения в неисправные выключатели безопасности, в результате чего они не обеспечивали отключение всех механизмов. Операторы лесопильного цеха не знали о внесенных изменениях и добросовестно полагали, что при нахождении аварийного выключателя в положении «0» отдельный механизм, входящий в состав лесопильного комплекса, после запуска самого лесопильного комплекса не запустится, произвели его запуск. В результате работнику указанного цеха, проводившему ремонт одного из механизмов, была причинена травма тела, которая впоследствии привела к смерти¹⁹.

В условиях недобросовестного неведения вопрос о привлечении лица к ответственности должен решаться по правилам неосторожной формы вины в виде небрежности.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть многогранность такого признака субъективной стороны преступления, как вина, и сложность ее установления. Еще большую сложность установление вины приобретает в условиях субъективной ошибки, предпосылками которой, как было указано выше, являются заблуждение и неведение.

Однако теория уголовного права в рамках состава преступления предопределяет установление вины в совершенном противоправном деянии. Данное обстоятельство, в свою очередь, предопределяет точное определение психологического отношения к совершенному преступлению. Именно с этой целью необходимо обра-

---

¹⁸ Постановление Великоновгородского гарнизонного военного суда Новгородской области от 15.05.2020 по делу № 1-18/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mgm9tTVGG2l8/> (дата обращения: 28.12.2020).

¹⁹ Постановление Устьянского районного суда Астраханской области от 07.05.2020 г № 1-85/2020 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hvk7ulj62eLl/> (дата обращения: 28.12.2020).

щать внимание на заблуждение и неведение лица относительно знаний, касающихся преступления или его отдельных составляющих. Но, как представляется, для разрешения вопроса о виновности лица в условиях заблуждения или неведения ключевая роль должна отводиться признаку добросовестности, на что было указано выше.

Отведенный объем статьи не позволяет раскрыть все детали и тонкости заблуждения и неведения как предпосылок субъективной ошибки, но обозначенные предложения наверняка поспособствуют формированию определенных теоретических и практических положений для установления и определения вины в преступлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. — М. : Политиздат, 1984. — 320 с.
2. Колосовский В. В. Истина, заблуждение, неведение: поиск сущности ошибок в уголовном праве // Правоведение. — 2014. — № 2.
3. Кохановский В. П. Философия и методология науки : учебник для высших учебных заведений. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 576 с.
4. Селиванов Ф. А. Оценка и норма в моральном сознании. — М., 1977. — 60 с.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право Т. 1. — Тула : Автограф, 2001. — 800 с.

Материал поступил в редакцию 26 января 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Il'enkov E. V. Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii. — M. : Politizdat, 1984. — 320 s.
2. Kolosovskij V. V. Istina, zabluzhdenie, nevedenie: poisk sushchnosti oshibok v ugodnom prave // Pravovedenie. — 2014. — № 2.
3. Kohanovskij V. P. Filosofiya i metodologiya nauki : uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij. — Rostov n/D : Feniks, 1999. — 576 s.
4. Selivanov F. A. Ocenka i norma v moral'nom soznanii. — M., 1977. — 60 s.
5. Tagancev N. S. Russkoe ugodnoe pravo T. 1. — Tula : Avtograf, 2001. — 800 s.